

Как свидетельствуют материалы Российского государственного исторического архива, после введения на Северном фронте должности военного старообрядческого священника в ДДДИИ был направлен запрос на согласование назначения священника Петроградско-Тверской старообрядческой епархии Дмитрия Смирнова. В отношении последнего были проведена серьезная проверка. Так как не было известно его место жительства, запросы были направлены Петроградским губернатору и градоначальнику, калужскому и тверскому губернаторам, а также в Департамент полиции МВД. В ходе проверок было определено, что Дмитрий Смирнов принадлежал к Смоленско-Калужской епархии. В ответе на запрос к смоленскому губернатору содержался благоприятный отзыв об этом старообрядческом священнике. В итоге Дмитрий Смирнов был назначен. Однако в ДДДИИ не было информации о действовавших на Юго-Западном и Западном фронтах старообрядческих священниках. Это выяснилось, когда в марте 1916 г. начальник канцелярии главного начальника снабжений армий Юго-Западного фронта отправил в ДДДИИ запрос о возможностях для награждения старообрядческих духовных лиц (в ведении ДДДИИ находилось и согласование награждения подведомственного духовенства). В ответе на запрос, в частности, отмечалось, что нет сведений, «каким порядком назначены и кем командированы старообрядческие духовные лица в действующую армию».

В апреле 1916 г. должность старообрядческого священника была введена при штабе главнокомандующего Кавказской армией. Кандидатов на эту должность в штабе Кавказской армии не было. Поэтому в запросе из мобилизационного отдела ГУГШ в ДДДИИ требовалось подобрать подходящего кандидата. ДДДИИ связался с московским и нижегородским губернаторами и попросил «вступить в сношение в вопросе подбора кандидатур» с московским старообрядческим архиепископом и нижегородским старообрядческим епископом. В этом отношении интересно, что ДДДИИ взаимодействовал не напрямую, а через посредников – губернаторов. Это характеризовало положение старообрядцев и их духовенства, у них была существенная зависимость от гражданских властей.

В итоге нижегородский старообрядческий епископ предложил Кирика Мушнина, а также Андрея Попова. Ответ из Нижнего Новгорода пришел раньше, и на Кавказ был назначен Кирик Мушнин. Московский архиепископ предложил Кондрата Пушечкина и Внифантия Быстрова. В конце весны 1916 г. приказом начальника штаба Верховного главнокомандующего в состав фронтов и Кавказской армии были дополнительно введены по одной должности старообрядческих священников. В итоге на эти должности были назначены Кондрат Пушечкин, Внифантий Быстров, Андрей Попов и Афанасий Милованов (все назначенные в действующую армию старообрядческие священники были представителями Белокриницкого согласия). Однако накануне Февральской революции 1917 г. в ДДДИИ пришел запрос от дежурного генерала при штабе Верховного главнокомандующего П.К. Кондзерновского, в котором запрашивалась информация о возможности назначения в действующую армию пяти духовных наставников старообрядцев Поморского согласия (беспоповцев).

Таким образом, в комплектовании действующей армии старообрядческим духовенством МВД занимало ведущее место. Несмотря на ряд процедурных нарушений со стороны военного командования, комплектование проходило по отработанной схеме. Однако прямого взаимодействия в этом вопросе со старообрядческой иерархией не было, что объяснялось как ее положением в конфессиональной структуре государства, так и ее подведомственностью губернским властям.

УДК 94(4 Бел):351.74

А.А. Косенко

ВЛИЯНИЕ СУДЕБНОЙ РЕФОРМЫ НА ПОЛНОМОЧИЯ ПОЛИЦИИ (середина XIX – начало XX в.)

Начало реформы полиции Российской империи, в состав которой в середине XIX – начале XX в. входили и белорусские земли, традиционно относят к 25 декабря 1862 г., когда были утверждены «Временные правила об устройстве полиции в городе и уездах губерний», однако преобразования начались немного раньше. Одной из основных задач проведения реформы полиции являлась оптимизация обязанностей полиции, в том числе и изъятие из полномочий полиции следственных функций. Необходимость данного преобразования диктовалась, во-первых, глубокими социально-политическими изменениями в обществе в целом, а во-вторых, низким профессиональным уровнем подготовки полицейских чинов, в результате чего большинство «следственных производств», т. е. уголовных дел, не доходило до стадии судебного разбирательства и вынесения обвинительного приговора суда.

Первым шагом стало принятие 8 июня 1860 г. Именного указа, в соответствии с которым был введен институт судебных следователей, подчиненных непосредственно Министерству юстиции. Тем же указом были введены в действие Наказ судебным следователям и Наказ полиции о производстве дознания по происшествиям, могущим заключать в себе преступление или проступок. Таким образом, из функций полиции на официальном уровне было изъято производство следственных действий. До 20 ноября 1864 г., т. е. до принятия Устава уголовного производства, при производстве дознания и отдельных следственных действий полицейские чины должны были руководствоваться правилами, установленными Наказом судебным следователям. Устав уголовного производства окончательно установил обязанности полиции в части производства следственных и процессуальных действий.

В соответствии со ст. 250 Устава уголовного производства сотрудники полиции не позже суток с момента получения информации, содержащей признаки преступления или проступка, т. е. «как самого противозаконного деяния, так и неисполнения того, что под страхом наказания законом предписано», должны были сообщить судебному следователю и прокурору или его товарищу. В сообщении должна была быть отражена следующая информация:

- 1) время и место совершения преступного деяния;
- 2) личность подозреваемого и доказательства вины данного лица;
- 3) наличие потерпевшего и свидетелей;
- 4) место жительства всех фигурантов.

Если информация была получена из ненадежного источника либо подлежала проверке в целях установления факта совершения преступления или проступка, то сотрудники полиции первоначально были должны провести дознание (первоначальные проверочные действия). В соответствии со ст. 254 Устава уголовного производства сотрудники полиции при производстве дознания могли осуществлять сбор информации «посредством розысков, словесными расспросами и негласным наблюдением», при этом им было запрещено проводить любые следственные действия. Результаты дознания, а также дополнительные сведения в случае установ-

ления факта совершения преступления или проступка должны были быть переданы судебному следователю. О факте передачи материалов дознания судебному следователю в обязательном порядке должны были быть уведомлены прокурор или его товарищ.

Однако законодательством были предусмотрены определенные случаи, при которых сотрудники полиции были уполномочены на производство всех необходимых неотложных следственных действий. К ним относились:

- 1) непосредственное обнаружение сотрудниками полиции «совершающегося или только что совершившегося преступного деяния»;
- 2) вероятность утраты следов преступления или вещественных доказательств до прибытия судебного следователя на место происшествия;
- 3) тяжелое заболевание или ранение обвиняемого или свидетеля, если имелась возможность полагать, «что он умрет до прибытия следователя».

В соответствии со ст. 1038 Устава уголовного производства сотрудники полиции также имели право на проведение неотложных следственных действий, в том числе на проведение обыска и наложения ареста на имущество по государственным преступлениям в случае отсутствия члена судебной палаты и судебного следователя. Однако обязательным условием проведения таких следственных и процессуальных действий было присутствие местного прокурора или его товарища.

В дальнейшем, после прибытия судебного следователя, сотрудники полиции обязаны были передать ему все собранные материалы. В соответствии со ст. 269 Устава уголовного производства судебный следователь имел право «проверять, дополнять и отменять действия полиции по произведенному ею первоначальному исследованию», а также отдавать сотрудникам полиции законные требования о производстве дознания и сборе дополнительных материалов. До прибытия судебного следователя сотрудники полиции должны были принимать меры по охране места происшествия и обеспечению сохранности вещественных и иных доказательств. Сотрудники полиции также имели право на задержание подозреваемого в случаях:

- «1) когда подозреваемый застигнут при совершении преступного деяния или тотчас после его совершения;
- 2) когда потерпевшие от преступления или очевидцы укажут прямо на подозреваемое лицо;
- 3) когда на подозреваемом или в его жилище найдены будут явные следы преступления;
- 4) когда вещи, служащие доказательством преступного деяния, принадлежат подозреваемому или оказались при нем;
- 5) когда он сделал покушение на побег или пойман во время или после побега и
- 6) когда подозреваемый не имеет постоянного жительства или оседлости».

Кроме того, Устав уголовного производства возлагал на полицию обязанности по вручению повесток обвиняемым; осуществлению приводов обвиняемых к судебному следователю; обеспечению сохранности вещественных доказательств и изъятого имущества; обеспечению меры пресечения в виде «отдачи под особый надзор полиции». Сотрудники полиции несли ответственность, вплоть до уголовной, за нарушение правил осуществления следственных действий и выполнения поручений судебных следователей.

Таким образом, в результате проведения реформы и ее законодательного закрепления в 1860–1864 гг. полномочия полиции в части производства следственных действий были значительно оптимизированы, что должно было привести, по мнению власти, к повышению качества расследования уголовных дел и соблюдению принципа законности в оперативно-служебной деятельности полиции.

УДК 94(476)

Г.Г. Краско

ОБЪЕДИНЕНИЕ МВД И МГБ В 1953 г.: ПРИЧИНЫ И ИТОГИ РЕОРГАНИЗАЦИИ

В истории развития советских органов внутренних дел и государственной безопасности неоднократно предпринимались попытки объединения этих двух силовых структур. При этом советское политическое руководство каждый раз пыталось соединить два ведомства на организационной платформе органов НКВД – МВД. Если реорганизация 1934 и 1941 гг. привела к длительному периоду функционирования единого Народного комиссариата внутренних дел, то последняя попытка, предпринятая более шестидесяти лет назад в марте 1953 г., привела к объединению ведомств только на один год. Данный организационный опыт не нашел должного изучения и освещения в отечественной историографии.

Политические процессы, происходившие в СССР после смерти И. Сталина, привели к переменам во всех сферах жизнедеятельности советского общества и государства. Уже 5 марта 1953 г. Совет Министров и Президиум Верховного Совета СССР в совместном постановлении признали необходимым осуществить некоторые мероприятия по улучшению партийного и хозяйственного руководства страной. Согласно этому постановлению большая часть министерств объединялась в более крупные ведомства. В рамках этой кампании политическое руководство страны упразднило прежнюю спецслужбу, приняв решение об объединении органов государственной безопасности и внутренних дел в единое Министерство внутренних дел, главой которого был назначен Л. Берия. В БССР решение об объединении МГБ и МВД было утверждено 17 апреля 1953 г. указом Президиума Верховного Совета БССР.

Изменения произошли в основном в центральном аппарате МВД СССР и территориальных органах. Закономерно, что организационно-штатная структура объединенного ведомства была громоздкой, а в части органов государственной безопасности еще и связана с ломкой подходов, устоявшихся в советской системе обеспечения государственной безопасности. Так, вопреки традиции внешняя разведка получила наименование Второго главного управления, а контрразведывательная служба стала именоваться Первым главным управлением. Бывшее Пятое управление МГБ СССР было разделено на два управления: Четвертое (секретно-политическое) и Пятое (экономическое). Главное управление охраны на транспорте стало Шестым (транспортным) управлением. Главное управление охраны превратилось в Девятое управление МВД СССР, а Третье главное управление (военная контрразведка) сохранило свое наименование, но потеряло статус главка. Обеспечивающие отделы прежнего МГБ стали именоваться спецотделами и получили цифровые наименования от единицы до десяти. Отделы «М» (мобилизационный) и «П» (спецпоселенцы) сохранили свое обозначение. В результате реорганизации, проведенной в марте 1953 г., были упразднены самостоятельные подразделения органов государственной безопасности, отвечавшие за розыск различных категорий государственных преступников по линии МГБ.

В общественном сознании длительное время слияние двух министерств, которым отводилась существенная роль в механизме советского государства, увязывалось исключительно со стремлением Л. Берии сосредоточить в своих руках основные рычаги по управ-